

Акрамова Шоира

Младший научный сотрудник Института востоковедения имени Абу Райхана Беруни
Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан.

Электронная почта: u.akramov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0416-5205>

ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ РЫНОЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ КНР ОТ АГРАРНЫХ РЕФОРМ К ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Аннотация

В статье исследованы основные этапы рыночной трансформации экономики Китайской Народной Республики с 1978 года до начала 2020-х годов. Цель исследования состоит в объяснении того, как изменение стимулов в сельском хозяйстве, региональные эксперименты и последовательное расширение внешнеэкономической открытости повлияли на структуру хозяйства. Используются сравнительно-исторический и институциональный подходы, а также анализ опубликованных материалов Всемирного банка, ВТО и исследовательской литературы. Выделены четыре аналитических этапа: аграрные преобразования, реформирование предприятий и прибрежная открытость, интеграция после вступления в ВТО, поиск источников инновационного роста. Показано, что система семейного подряда высвободила производственные стимулы, тогда как особые экономические зоны дали возможность опробовать новые правила в ограниченных территориях. Переход к экспортному производству сопровождался ростом занятости, накоплением капитала и расширением глобальных производственных связей. Одновременно преобразования порождали социальные различия и новые ограничения, связанные с экологией, демографией, долгами и положением государственных предприятий. Сделан вывод, что результат китайской модели определялся сочетанием постепенности и целенаправленного изменения институтов, а ее дальнейшее развитие зависит от качества внутреннего спроса, конкуренции и социальной защиты.

Ключевые слова: рыночные реформы; Китай; семейный подряд; особые экономические зоны; государственные предприятия; внешняя торговля; инновационное развитие; институциональные изменения.

Акрамова Шоира

Ўзбекстан Республикасы Ғылым академиясы Ёбу Райхан Беруни атындағы Шығыстану
институтының кіші ғылыми қызметкері, Ташкент, Ўзбекстан.

Электрондық пошта: u.akramov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0416-5205>

ҚХР ЭКОНОМИКАСЫНЫҢ НАРЫҚТЫҚ ТРАНСФОРМАЦИЯСЫНЫҢ КЕЗЕҢДЕРІ МЕН ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ: АГРАРЛЫҚ РЕФОРМАЛАРДАН ИНДУСТРИАЛЫҚ ЖАҢҒЫРТУҒА ДЕЙІН

Аңдатпа

Мақалада Қытай Халық Республикасы экономикасының 1978 жылдан 2020 жылдардың басына дейінгі нарықтық өзгеру кезеңдері талданады. Зерттеудің мақсаты ауыл шаруашылығындағы ынталандыру тетіктерінің, өңірлік тәжірибелердің және сыртқы экономикалық ашықтықтың шаруашылық құрылымына ықпалын түсіндіру болып табылады. Салыстырмалы тарихи және институционалдық әдістер, Дүниежүзілік банк пен Дүниежүзілік сауда ұйымының материалдары және ғылыми әдебиет пайдаланылды. Төрт талдау кезеңі ажыратылды: аграрлық жаңарту, кәсіпорындарды реформалау мен жағалаудағы ашықтық,

ДСҰ-ға кіргеннен кейінгі ықпалдасу және инновациялық өсудің жаңа көздерін іздеу. Отбасылық мердігерлік жүйесі өндірістік ынталандыруды күшейткені, ал арнайы экономикалық аймақтар жаңа ережелерді шектеулі аумақта сынауға мүмкіндік бергені көрсетілді. Экспорттық өндірістің кеңеюі жұмыспен қамту, капитал жинақтау және халықаралық өндірістік байланыстардың дамуына әсер етті. Сонымен бірге өзгерістер әлеуметтік теңсіздік, экологиялық шығын, демографиялық қысым, қарыз және мемлекеттік кәсіпорындардың тиімділігі сияқты мәселелерді туғызды. Қытай тәжірибесінің нәтижесі біртіндеп жаңарту мен институттарды мақсатты өзгертуге негізделгені тұжырымдалды. Болашақтағы даму ішкі сұранысқа, бәсекеге және әлеуметтік қорғаудың сапасына байланысты. Зерттеу реформалардың мерзімі мен өңірлік ерекшеліктерін салыстыра талдаудың маңызын көрсетеді. Бұл қорытынды басқа елдердің тәжірибесін түсіндіру үшін де пайдалы.

Түйін сөздер: нарықтық реформалар; Қытай; отбасылық мердігерлік; арнайы экономикалық аймақтар; мемлекеттік кәсіпорындар; сыртқы сауда; инновациялық даму; институционалдық өзгерістер.

Akramova Shoir

Junior Research Fellow, Abu Rayhan Beruni Institute of Oriental Studies, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan.

E-mail: u.akramov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0416-5205>

STAGES AND CHARACTERISTICS OF THE MARKET TRANSFORMATION OF CHINA'S ECONOMY: FROM AGRARIAN REFORMS TO INDUSTRIAL MODERNIZATION

Abstract

This article examines the stages of market transformation in the economy of the People's Republic of China from 1978 to the early 2020s. It asks how changes in agricultural incentives, regional experimentation and the gradual opening of the economy reshaped production and trade. The study combines comparative historical and institutional analysis with published evidence from the World Bank, the World Trade Organization and scholarly literature. Four analytical phases are identified: rural reform, enterprise restructuring and coastal opening, integration following WTO accession, and the search for innovation driven growth. The household responsibility system strengthened incentives for rural producers, while special economic zones enabled policy experiments within limited territories. Export manufacturing expanded employment, capital accumulation and participation in international production networks. These achievements were accompanied by distributional disparities and constraints related to environmental costs, population ageing, debt and the role of state owned enterprises. The article argues that China's experience was shaped by the interaction of gradual reform and deliberate institutional change. Its future prospects depend on domestic demand, competition and effective social protection.

Keywords: market reforms; China; household responsibility; special economic zones; state owned enterprises; foreign trade; innovation; institutional change.

Akramova Shoir

Özbekistan Cumhuriyeti Bilimler Akademisi Ebu Reyhan Biruni Şarkiyat Enstitüsü, Genç Araştırmacı, Taşkent, Özbekistan.

E-posta: u.akramov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0416-5205>

ÇİN EKONOMİSİNİN PIYASA DÖNÜŞÜMÜNÜN AŞAMALARI VE ÖZELLİKLERİ: TARIM REFORMLARINDAN SANAYİ MODERNLEŞMESİNE DOĞRU

Özet

Bu makale, Çin Halk Cumhuriyeti ekonomisinin 1978 yılından 2020'li yılların başına kadar geçirdiği piyasa dönüşümünün aşamalarını incelemektedir. Araştırmanın amacı tarımdaki teşviklerin değişmesinin, bölgesel deneylerin ve dışa açılmanın üretim ile ticaret yapısını nasıl etkilediğini açıklamaktır. Çalışmada karşılaştırmalı tarihsel ve kurumsal yöntemler ile Dünya Bankası, Dünya Ticaret Örgütü ve akademik literatürün yayımlanmış verileri kullanılmıştır. Dört analitik dönem belirlenmiştir: kırsal reform, işletmelerin yeniden düzenlenmesi ve kıyı bölgelerinin açılması, DTÖ üyeliğinden sonraki bütünleşme ve yenilikçi büyüme arayışı. Aile sorumluluk sistemi kırsal üreticilerin teşviklerini güçlendirmiş, özel ekonomik bölgeler ise yeni kuralların sınırlı alanlarda sınanmasını sağlamıştır. İhracata yönelik üretim istihdamı, sermaye birikimini ve uluslararası üretim ağlarına katılımı artırmıştır. Bununla birlikte gelir farklılıkları, çevresel maliyetler, nüfusun yaşlanması, borç ve kamu işletmelerinin verimliliği önemli sorunlar olarak kalmıştır. Sonuç olarak Çin deneyimi kademeli reform ile bilinçli kurumsal değişimin birleşimiyle açıklanmaktadır. Gelecekteki gelişme iç talebin, rekabetin ve sosyal korumanın niteliğine bağlıdır. Çalışma, reformların sırasını ve bölgesel farklılıklarını birlikte incelemenin önemini ortaya koymaktadır. Bulgular diğer ülkelerin deneyimlerini karşılaştırırken de dikkate alınmalıdır.

Anahtar kelimeler: piyasa reformları; Çin; aile sorumluluğu; özel ekonomik bölgeler; kamu işletmeleri; dış ticaret; yenilikçi gelişme; kurumsal değişim.

Введение

Экономические реформы КНР представляют собой длительный процесс изменения правил производства, обмена и распределения при сохранении ведущей роли государства. С конца 1970-х годов страна перешла от преимущественно директивного хозяйства к сочетанию рыночных стимулов, государственного планирования и участия в международной торговле. Это развитие нельзя свести к одной реформе: меры в сельском хозяйстве, промышленности, региональной политике и внешней торговле имели разный темп и неодинаковые социальные последствия [1].

Актуальность темы связана с необходимостью объяснить механизм перехода между этапами, а не только перечислить показатели роста. Цель статьи — установить, какие институциональные решения способствовали изменению структуры китайской экономики и какие ограничения проявились по мере развития модели. Предполагается, что результат реформ определялся сочетанием локального эксперимента, изменения хозяйственных стимулов и выборочной внешней открытости. Гипотеза проверяется сопоставлением решений разных периодов с изменениями в производстве, торговле и социальных условиях.

В историографии существуют различные оценки роли государства и частного предпринимательства. Б. Нотон рассматривает китайскую экономику как систему последовательной адаптации, тогда как Н. Ларди обращает внимание на последствия усиления государственного сектора для конкуренции и производительности [1; 2]. Разница подходов важна для исторического анализа: высокий темп роста одного периода сам по себе не доказывает устойчивости институциональных условий в следующем. Статья поэтому разграничивает непосредственный эффект реформы, условия ее осуществления и долгосрочные издержки.

Материалы и методы исследования

Применены сравнительно-исторический, проблемно-хронологический и институциональный методы. Рассматривается период с 1978 года до начала 2020-х годов; сведения о последующих явлениях использованы только как контекст развития выявленных тенденций. Эмпирическую основу составляют опубликованные материалы Всемирного банка, ВТО, ОЭСР, а также работы исследователей китайской экономики [3; 4]. В статье не проводится самостоятельный пересчет национальных счетов и не утверждается причинная связь на основании одной статистической корреляции.

Периодизация включает аграрный этап 1978–1984 годов, расширение рыночных механизмов и прибрежной открытости в 1984–2001 годах, глобальную интеграцию в 2001–2015 годах и этап изменения источников роста с середины 2010-х годов. Границы этапов условны: реформирование государственных предприятий началось до вступления в ВТО и продолжилось после него, а внешняя открытость предшествовала формальному членству. Такой подход позволяет сопоставить политическое решение с длительностью его экономического действия.

Результаты и анализ

К концу 1970-х годов ограничения коммунальной системы и директивного распределения сдерживали рост производительности труда. После политического перелома 1976 года руководство приступило к корректировке экономического курса. Решения III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва в декабре 1978 года стали началом политики реформ и открытости. При этом новая модель не возникла в готовом виде: изменение способов хозяйствования происходило постепенно и сопровождалось проверкой результатов в отдельных территориях [1].

Аграрная реформа была связана с распространением системы семейного подряда. Сельские семьи получали право самостоятельно организовывать производство и распоряжаться продукцией после выполнения обязательств перед государством; коллективная собственность на землю сохранялась. Этот механизм менял связь между трудом и вознаграждением без одномоментной частной продажи земли. История инициативы в деревне Сяоган провинции Аньхой показывает значение местного эксперимента, однако сводить общенациональное преобразование к одному эпизоду было бы упрощением [5].

Повышение закупочных цен и изменение структуры посевов дополняли новую систему стимулов. Поэтому рост сельскохозяйственного производства в начале 1980-х нельзя приписывать только семейному подряду. Анализ Всемирного банка отмечает существенный вклад институционального изменения в рост аграрного сектора в 1978–1984 годах [5]. Возросшие доходы сельских жителей создали спрос на товары и расширили возможности для местных предприятий. Вместе с тем различия между регионами проявились уже на раннем этапе, поскольку доступ к рынкам и инфраструктуре был неодинаков.

Следующим направлением стала территориальная открытость. В 1980 году появились первые особые экономические зоны — Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу и Сямэнь. Они предоставляли условия для привлечения иностранного капитала, производственных технологий и управленческого опыта. Статус четырнадцати прибрежных открытых городов в 1984 году расширил территорию новых правил. Экспериментальный характер зон состоял не в полном отказе от государственного контроля, а в ограниченном применении иных режимов инвестирования и торговли [1; 6].

Близость к внешним рынкам, особенно к Гонконгу, помогала приморским районам быстрее включаться в международное разделение труда. Этот пространственный выбор ускорил индустриализацию, но усилил различия между побережьем и внутренними провинциями. Для оценки результата необходимо учитывать не только приток капитала, но и государственные вложения в дороги, порты, энергетику и подготовку работников. Развитие Шэньчжэня следует рассматривать как взаимодействие географических преимуществ, политики центра и местных административных решений, а не как универсальный эффект налоговых льгот.

В промышленности переход осуществлялся сложнее. Система двух цен позволяла государственным предприятиям выполнять плановое задание и продавать часть продукции по рыночной цене. Возникал рынок дополнительных поставок, однако разница между ценами создавала возможности для извлечения административной ренты. В 1990-е годы реорганизация предприятий и политика сохранения контроля над крупными стратегическими единицами сопровождалась закрытием или преобразованием части малых производств. В научной литературе отмечаются как рост эффективности, так и социальные издержки сокращения занятости [1; 2].

Именно эта неоднозначность требует разграничения предприятий центрального подчинения, местных предприятий и быстро расширявшегося негосударственного сектора. Рост производства не всегда означал одинаковое улучшение их финансового положения. Бюджетные ограничения, доступ к кредитованию и политические обязательства распределялись неравномерно. По этой причине обсуждение роли государства следует вести на уровне конкретных отраслей и правил конкуренции. ОЭСР указывает на необходимость повышения производительности и совершенствования условий конкуренции между различными формами собственности [7].

Вступление КНР во Всемирную торговую организацию состоялось 11 декабря 2001 года [8]. Членство закрепило обязательства по доступу на рынки и сделало торговую политику более предсказуемой для партнеров. Оно усилило уже начавшуюся интеграцию китайских производителей в международные цепочки поставок. Размещение сборочных мощностей иностранными компаниями сочеталось с развитием местной инфраструктуры и ростом квалификации работников. При этом большая стоимость экспортируемого продукта не всегда означала столь же большую добавленную стоимость, созданную непосредственно внутри Китая.

Динамика экспорта была связана также с изменением внутреннего рынка. Промышленная занятость и миграция из села в города расширяли платежеспособный спрос; накопленные доходы поддерживали инвестиции в жилье и инфраструктуру. Эти процессы не развивались без противоречий. Регистрация по месту жительства и различия в доступе к социальным услугам ограничивали положение части мигрантов. Поэтому оценивать успех торговой интеграции только по объему экспортных поставок недостаточно: необходимо учитывать условия труда, распределение доходов и способность предприятий переходить от сборки к собственным разработкам.

В 2010-е годы изменилась структура факторов роста. Повышение оплаты труда, экологические последствия прежней индустриализации и старение населения усилили необходимость роста производительности. Программа «Сделано в Китае — 2025» обозначила приоритет технологического развития в ряде отраслей. Расширялись цифровые сервисы и платформенные компании, одновременно государство стремилось укрепить возможности отечественных производителей сложной продукции. Однако инновационная политика не устраняет автоматически проблемы распределения ресурсов: субсидия может поддержать перспективную разработку, но может также закрепить слабые предприятия.

Инициатива «Один пояс — один путь», объявленная в 2013 году, дополнила внутренние изменения внешними инфраструктурными и инвестиционными связями. Ее проекты различаются по финансированию, экономическим условиям и влиянию на страны участницы. Поэтому инициативу не следует представлять как единый механизм экспансии: для оценки каждого проекта необходимы сведения о договоре, сроке окупаемости и распределении рисков. В контексте китайской трансформации она показывает расширение интересов компаний и финансовых институтов за пределы экспортного производства.

Обсуждение

Особенность китайского опыта заключается в последовательном изменении хозяйственных стимулов без одновременного демонтажа всех прежних институтов. Экспериментальные режимы позволяли выявлять результаты до общенационального распространения мер. Вместе с тем постепенность не была универсальным принципом каждого решения: реформа части государственных предприятий вызвала резкое изменение положения работников, а условия внешней торговли быстро менялись после вступления в ВТО. Историческая периодизация должна сохранять различие между декларацией политики и опытом затронутых ею групп [1; 2].

Успех сокращения крайней бедности является существенной характеристикой этого периода. Согласно совместному исследованию Всемирного банка и китайских организаций, за четыре десятилетия число жителей с доходами ниже международной черты крайней бедности

сократилось почти на 800 миллионов [3]. В то же время такая оценка использует определенный порог и не означает исчезновения всех форм малообеспеченности. Различие между преодолением крайней бедности и обеспечением равных социальных возможностей принципиально для оценки качества роста.

К началу 2020-х годов накопились новые ограничения. Замедление роста, долговая нагрузка местных органов власти и сектора недвижимости, демографические изменения и недостаточное потребление домохозяйств осложняют прежнюю инвестиционную модель [9]. Экологические меры также требуют перестройки энергоемких производств и новых затрат. Эти проблемы не отменяют результатов реформ, но меняют критерий их оценки: прежний темп выпуска уже не может служить единственным показателем эффективности. Раннее обсуждение долгосрочных ограничений китайского развития содержится и в отечественной востоковедческой литературе [10].

Сравнение с другими переходными экономиками возможно лишь с учетом начальных условий Китая: масштабов сельского населения, структуры государственной власти, доступа к зарубежным рынкам и роли предпринимательских сетей. Простое перенесение названий китайских институтов в другой контекст не воспроизводит их действие. Практический урок состоит в необходимости проверять, какие стимулы меняет конкретная мера, кто несет ее издержки и каким образом результаты оцениваются до масштабирования.

Рассмотрение аграрной реформы выявляет еще одну важную черту исторической последовательности. Сначала менялись правила использования земли и распределения урожая, затем расширялся рынок продукции и услуг, а позже росла занятость вне сельского хозяйства. При обратном порядке меры могли бы дать иной результат, поскольку у домохозяйств не было бы достаточного дохода для спроса на промышленную продукцию. Вместе с тем местные предприятия опирались на неодинаковые ресурсы: близость транспорта, качество управления и доступ к кредиту влияли на результат сильнее, чем само формальное наличие новых правил. Это объясняет, почему рост отдельных прибрежных районов нельзя механически сопоставлять с более удаленными территориями. Исторический анализ должен учитывать последовательность и территориальное распределение реформ [1; 4].

Соотношение планирования и рынка также менялось по мере накопления опыта. На раннем этапе государственные задания обеспечивали непрерывность поставок в условиях слабого рынка, а свободная продажа дополнительной продукции создавала стимул к расширению выпуска. Позднее сосуществование двух режимов становилось источником споров о справедливом доступе к товарам и о возможности использования административного положения. Следовательно, один и тот же механизм мог приносить переходную пользу и одновременно формировать причины для следующего этапа преобразований. Оценка политики исключительно по ее первоначальным целям не раскрывает подобных последствий. Важны сведения о поведении предприятий и домохозяйств после введения правила, а также о том, какие группы получили преимущества и какие понесли потери [1; 2].

Прибрежная открытость создала условия для обучения через взаимодействие с зарубежными партнерами. Передача навыков не являлась автоматическим следствием присутствия иностранной компании. Она зависела от связи иностранных предприятий с местными поставщиками, подготовки кадров и способности предприятий внедрять новые приемы производства. Если значительная часть компонентов ввозилась, выгода принимающей экономики первоначально ограничивалась отдельными операциями сборки и занятостью. Постепенное развитие поставщиков и логистики расширяло внутреннюю добавленную стоимость. Поэтому переход от трудоемкого экспорта к производству более сложной продукции следует понимать как накопительный процесс, а не как единичный результат членства в международной торговой организации [4; 8].

Вопрос социальных последствий важен и для оценки дальнейшей устойчивости модели. Быстрое перемещение работников между селом и городом увеличивало предложение рабочей силы, но порождало потребность в жилье, здравоохранении и образовании. Различия в доступе

к этим услугам означали, что одинаковый денежный доход не всегда давал одинаковые жизненные возможности. Кроме того, сбережения домохозяйств определялись ожиданиями будущих расходов. Укрепление социальной защиты могло бы одновременно снижать уязвимость семей и поддерживать внутреннее потребление. В этом смысле социальная политика связана с экономической перестройкой непосредственно, а не только через последующее перераспределение результатов роста [3; 9].

Для понимания инновационного этапа необходимо различать создание технологической возможности и ее широкое применение. Государственная поддержка исследований, инфраструктура и крупный внутренний рынок могут ускорять внедрение новых изделий, но качество конкуренции определяет, насколько эффективно используются ресурсы. Если доступ к капиталу зависит преимущественно от административного статуса предприятия, перспективные частные производители могут сталкиваться с ограничениями. При этом стратегические задачи государства и коммерческие цели предприятий не всегда совпадают. Следовательно, развитие инноваций требует не только расширения финансирования, но и оценки результатов, открытых условий входа на рынок и возможности перераспределять ресурсы из менее продуктивных видов деятельности [2; 7].

Исследование имеет ограничения. Представленные этапы объединяют разнообразные отрасли и провинции, поэтому не заменяют региональных историй или анализа отдельного предприятия. Международные показатели бедности, торговли и роста рассчитаны по разным методикам и должны сопоставляться с учетом определений и временных рядов. В статье преимущественно использованы опубликованные исследования, а не архивные документы или интервью; выводы о мотивах конкретных участников потому имеют характер интерпретации на основе доступной литературы. В дальнейшем полезно сравнить опыт внутренних провинций с приморскими и проследить, как реформы социального обеспечения влияли на потребление и мобильность работников. Это позволило бы точнее определить условия, при которых постепенное изменение институтов сохраняет результативность.

Реформы государственных предприятий по-разному затрагивали трудовые коллективы. Сокращение старых рабочих мест открывало пространство для новых форм занятости, но адаптация зависела от возраста, квалификации и территории проживания. Для части работников переход в частный сектор был доступен, для других требовалась переподготовка или социальная поддержка. Исторический учет этих различий помогает избежать представления о реформе как об одинаковом событии для всего населения. В частности, выгода потребителя от расширения ассортимента могла сосуществовать с потерей гарантированного трудоустройства у работника прежнего предприятия. Именно поэтому показатели выпуска и производительности необходимо читать вместе с изменениями в положении домохозяйств [1; 2].

Децентрализация хозяйственных решений создала стимулы для местных администраций содействовать промышленному развитию. Но интерес муниципального или провинциального руководства к росту инвестиций мог вступать в противоречие с долговой устойчивостью и экологическими целями. Когда инфраструктурные расходы финансируются с расчетом на дальнейший рост земельных доходов, замедление рынка недвижимости меняет оценку прежних проектов. Этот механизм помогает связать историческую практику инвестиционного расширения с более поздними рисками местных бюджетов. Он также показывает, что успех государственного координирования нельзя оценивать только в момент запуска проекта: важно учитывать эксплуатацию объектов, финансовые обязательства и альтернативные способы использования ресурсов [9].

Международный контекст менялся на протяжении рассматриваемого периода. В начале реформ доступ к капиталу и технологиям был связан с соседними азиатскими экономиками и диаспорой; после вступления в ВТО условия участия в многосторонней торговле приобрели большее значение. В последующие годы конкуренция в высокотехнологичных отраслях и ограничения на передачу отдельных технологий стали частью среды, в которой китайским

предприятиям приходится действовать. Эти изменения не отменяют внутренних факторов роста, но делают структуру внешних связей важной переменной анализа. Следовательно, историческое объяснение реформ должно рассматривать взаимодействие решений внутри страны с правилами и конфликтами международной экономики [4; 8].

Роль государства в китайской модели нельзя выразить противопоставлением планирования и предпринимательства. В разные периоды государственные органы создавали инфраструктуру, корректировали цены, допускали внешних инвесторов, сохраняли контроль над стратегическими компаниями и формулировали технологические приоритеты. Эффективность подобных действий зависела от качества информации и возможности изменить неудачное решение. Экспериментальная практика создавала один из таких каналов обратной связи, однако административные интересы и неравный доступ участников к ресурсам могли его ослаблять. Эта двойственность позволяет объяснить одновременно существенные достижения ранних реформ и трудности современного перехода к более производительному росту [1; 7].

Наконец, периодизация помогает отделить изменение законодательства от изменения повседневной практики. Принятие решения о зоне или предприятии не означало, что все организации сразу начинали работать по новым правилам. Между формальным актом и наблюдаемым результатом располагались инвестиции, обучение персонала, местное администрирование и приспособление хозяйственных связей. В исследованиях экономической истории поэтому следует сопоставлять даты решений с данными за несколько последующих лет. Такой подход особенно важен при оценке начала инновационного этапа: объявленная цель технологического обновления сама по себе не подтверждает завершения структурного перехода. Необходимы показатели внедрения, производительности и условий конкуренции [1; 7].

Расширение рынка имело и культурно-организационное измерение. Для местных руководителей и предпринимателей новые возможности требовали навыков переговоров, учета затрат и работы с неопределенностью. Накопление таких навыков происходило неравномерно: успешный опыт отдельных регионов распространялся через перемещение работников, подражание управленческим практикам и решения центральных органов. Эта сторона реформ хуже отражается в агрегированных показателях, но важна для объяснения того, почему одинаковая формальная мера дает разные результаты. Институт действует через людей и организации, которые должны научиться им пользоваться. Следовательно, скорость распространения практики нельзя автоматически выводить из даты опубликования нормативного акта.

В долгосрочном сравнении следует осторожно обращаться и с понятием индустриальной модернизации. Увеличение выпуска промышленной продукции не всегда означает повышение технологической самостоятельности или эффективности ресурсов. Экспортная сборка, развитие местных поставщиков и собственные исследования представляют различные уровни производственной сложности. Они могут сосуществовать в одной стране и даже в одном регионе. Для подтверждения перехода между ними требуются данные о добавленной стоимости, квалификации труда и распространении новых технологий. Такой набор критериев делает исследование более точным, чем оценка на основе места государства в общем мировом экспорте.

Наконец, китайский случай демонстрирует зависимость реформ от способности государства поддерживать доверие к долгосрочным правилам. Домохозяйства принимают решения о труде и сбережениях, предприятия — об инвестициях, а иностранные партнеры — о размещении производства на основании ожиданий. Если правила быстро меняются или применяются неодинаково, выгода от новых стимулов уменьшается. Постепенность реформ способствовала адаптации, когда участники могли наблюдать результаты и предвидеть дальнейшее расширение успешных мер. Однако та же последовательность оставляла переходные противоречия, включая неравный доступ к капиталу. Поэтому качество правил и

возможность их последовательной корректировки составляют важную часть объяснения развития страны [1; 2].

Важным условием сравнения является и различие между темпом роста и уровнем благосостояния. Высокие темпы в начальной точке перехода отражают использование ранее недооцененных ресурсов, тогда как на более поздней стадии рост зависит от производительности, потребительского спроса и качества услуг. Поэтому замедление само по себе не доказывает провал реформ. Для исторической оценки нужно установить, какие задачи решались на каждом этапе, какие возможности были исчерпаны и какие новые задачи возникли. Такой анализ позволяет объяснять изменения траектории без представления всех периодов одной неизменной моделью [1; 9].

Внешняя открытость также имела разные формы. Привлечение инвесторов в особые зоны, вступление в многостороннюю торговую систему и зарубежные инфраструктурные проекты отличались по набору участников и распределению рисков. В первом случае основной задачей было испытание правил и технологий внутри страны; во втором — закрепление условий торговли; в третьем — расширение финансовых и транспортных связей за ее пределами. Общее обозначение этих процессов словом «глобализация» скрывает их последовательность. Сопоставление конкретных институтов показывает, что каждый новый этап опирался на результаты предыдущего, но ставил перед государством и предприятиями иные задачи [4; 8].

Вопрос о переносимости китайского опыта требует отдельной проверки. Относительная последовательность мер может быть полезным предметом сравнения, но конкретные результаты зависели от численности населения, уровня урбанизации, географии торговли и способности администрации исполнять решения. Другие государства обладают иными исходными ресурсами и международными ограничениями. Поэтому рекомендация начинать любую реформу с особой зоны или двух цен без оценки местных условий была бы методологически слабой. Более продуктивно сравнивать функции мер: создание стимулов, снижение неопределенности для инвестора и обеспечение социальной адаптации работников. Именно эти функции позволяют содержательно обсуждать исторический опыт без некритического заимствования названий институтов в иных национальных условиях.

Заключение

Рыночная трансформация КНР прошла через связанные, но неодинаковые этапы. Аграрные преобразования изменили непосредственные стимулы производителя; особые экономические зоны и реформа предприятий расширили пространство рыночных отношений; вступление в ВТО усилило международную интеграцию; с середины 2010-х годов центр обсуждения переместился к производительности и инновациям. Совокупный результат определялся не отдельным решением, а взаимодействием местного эксперимента, инвестиций, государственного управления и внешнего спроса.

Основной вывод исследования состоит в том, что поэтапность давала возможность корректировать политику, однако не гарантировала равномерного распределения выгод. Региональное и социальное неравенство, экологические издержки, долговые риски и ограничения конкуренции требуют самостоятельного анализа. Перспективы модели зависят от способности повысить внутренний спрос и качество социальных услуг при сохранении условий для продуктивных предприятий. Китайский опыт полезен как предмет исторического сравнения институтов, а не как готовая схема для прямого копирования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Naughton B. *The Chinese Economy: Adaptation and Growth*. 2nd ed. Cambridge, MA: MIT Press, 2018. 608 p.
2. Lardy N. R. *The State Strikes Back: The End of Economic Reform in China?* Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2019.
3. World Bank. *Lifting 800 Million People Out of Poverty: New Report Looks at Lessons from China's Experience*. 2022. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2022/04/01/lifting-800->

- [million-people-out-of-poverty-new-report-looks-at-lessons-from-china-s-experience](#) (дата обращения: 29.09.2026).
4. World Bank. *China 2030: Building a Modern, Harmonious, and Creative Society*. Washington, DC: World Bank, 2013. 442 p.
5. World Bank. *World Development Report 1996: From Plan to Market*. New York: Oxford University Press, 1996. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/142781468127495966/pdf/multi0page.pdf> (дата обращения: 29.09.2026).
6. Сунь Лэй. Китайский путь — модернизационная трансформация китайской цивилизации // *Сравнительная политика*. 2019. № 2. С. 20–33.
7. OECD. *OECD Economic Surveys: China 2022*. Paris: OECD Publishing, 2022. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-economic-surveys-china-2022_b0e499cf-en.html (дата обращения: 29.09.2026).
8. World Trade Organization. *China: Accession and Membership*. 2001. URL: https://www.wto.org/English/news_e/news01_e/news01_e.htm (дата обращения: 29.09.2026).
9. World Bank. *Unlocking Domestic Demand Key to Reviving Growth Momentum in China*. 2024. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2024/12/26/unlocking-domestic-demand-key-to-reviving-growth-momentum-in-china-world-bank-economic-update> (дата обращения: 29.09.2026).
10. Гельбрас В. Г. КНР после Дэн Сяопина: проблемы экономического развития // *Восток*. 1995. № 6. С. 53–56.

REFERENCES:

1. Naughton B. *The Chinese Economy: Adaptation and Growth*. 2nd ed. Cambridge, MA: MIT Press, 2018. 608 p.
2. Lardy N. R. *The State Strikes Back: The End of Economic Reform in China?* Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2019.
3. World Bank. *Lifting 800 Million People Out of Poverty: New Report Looks at Lessons from China's Experience*. 2022. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2022/04/01/lifting-800-million-people-out-of-poverty-new-report-looks-at-lessons-from-china-s-experience> (дата обращения: 29.09.2026).
4. World Bank. *China 2030: Building a Modern, Harmonious, and Creative Society*. Washington, DC: World Bank, 2013. 442 p.
5. World Bank. *World Development Report 1996: From Plan to Market*. New York: Oxford University Press, 1996. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/142781468127495966/pdf/multi0page.pdf> (дата обращения: 29.09.2026).
6. Sun Lei. Kitayskiy put — modernizatsionnaya transformatsiya kitayskoy tsivilizatsii // *Sravnitel'naya politika*. 2019. No. 2. P. 20–33. (in Russian).
7. OECD. *OECD Economic Surveys: China 2022*. Paris: OECD Publishing, 2022. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-economic-surveys-china-2022_b0e499cf-en.html (дата обращения: 29.09.2026).
8. World Trade Organization. *China: Accession and Membership*. 2001. URL: https://www.wto.org/English/news_e/news01_e/news01_e.htm (дата обращения: 29.09.2026).
9. World Bank. *Unlocking Domestic Demand Key to Reviving Growth Momentum in China*. 2024. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2024/12/26/unlocking-domestic-demand-key-to-reviving-growth-momentum-in-china-world-bank-economic-update> (дата обращения: 29.09.2026).
10. Gelbras V. G. KNR posle Den Syaopina: problemy ekonomicheskogo razvitiya // *Vostok*. 1995. No. 6. P. 53–56. (in Russian).